

...На окне с ситцевыми занавесками стоял горшок с цветущей красной геранью. Если девочка закрывала правый глаз, горшок с цветком прыгал влево, если левый — вправо. Это было интересно и немного отвлекало от неприятного процесса — заплетания косичек. Тем более мать не очень церемонилась с густыми светло-русыми волосами дочери, и той приходилось часто морщить свой курносый носик. Наконец вторая косичка была туго заплетена и завязана цветным бантиком. Мать легонько оттолкнула от себя девочку и улыбнулась: — Возьми на столе кулёк с клюквой и отнеси тётке Гале. Да поищи Лялю, что-то я давно не вижу её во дворе... Скажи, пусть идёт домой! — крикнула женщина уже вослед выбегающей из комнаты девочке.

...Они жили в одноэтажном длинном здании — вероятно, в солдатской казарме, переоборудованной под комнаты офицерского состава. Дом был такой длинный, что его перегородили на две части. Чтобы попасть в другую часть, надо было пройти по улице и обогнуть строение.

Девочка прошла по коридору, бережно прижимая к груди кулёчек с клюквой, спустилась с трёх ступенек и очутилась на залитом солнцем чистеньком дворике военного городка. В голубом небе лёгкий ветер шевелил зелёные вершины тополей.

Девочка покрутила русой головёнкой. «Ну где искать эту непоседу? — подумала она о младшей сестрёнке. — Всегда Лялька что-то натворит». Рине шёл восьмой год, осенью она должна будет пойти в школу. В первый класс. А её сестрёнке только что исполнилось пять лет. Она маленькая и худенькая, но такая же, как и старшая, светло-русая и голубоглазая.

«Маленькая, а столько от неё неприятностей...» — вздохнула Рина. Вот совсем недавно подговорила соседского мальчишку и ушла вместе с ним незаметно из военного городка. Нагулялись в городском парке и вернулись к вечеру. А военный городок взбудоражили. Как же так? Двое малолетних детей пропали! Солдаты каждый уголок облазали, каждый кустик осмотрели. Папа говорил, часового трясли, как грушу, а тот клялся и божился, что не видел на проходной детей. Да как же он их увидел бы?! Он же в будочке сидит, а они маленькие,

да нагнулись ещё. Прошмыгнули незаметно и — в открытые ворота. Ух, за это Ляльке досталось! Мать её так отлупила! Потом, правда, плакала вместе с ней. Рина тоже плакала, ей всегда жалко младшую сестрёнку. И маму жалко.

Девочка снова осмотрелась по сторонам. Часовой в будке, ворота заперты. Воробьи громко чирикают и дерутся на заасфальтированной дорожке. Там вот, за казармами, солдаты маршируют. Сегодня воскресенье, а они всё равно маршируют. Солдаты!..

Из-за высокого забора военного городка доносится мирное дыхание большого города. Города Минска.

«А может, она на конюшне, лошадей смотрит?...» — продолжала размышлять девочка. — Или с Дружком играет? Говорят, невеста Дружка принесла четырёх щенят. И откуда она их принесла? Интересно!»

...Когда поспешные шаги ребёнка стихли в гулком коридоре, Мария, а для подруг и знакомых — Маруся, тяжело вздохнула. «Как там Ваня? — с грустью подумала она. — Столько лет даже дня выходного не давали, а тут на тебе — и отпуск сразу, и путёвку в Ялту!» Женщина поджала красивые губы, поднялась с табурета, подошла к зеркалу, висящему над комодом. Расчёской провела по крупным, стриженным «под польку», волнистым волосам, одёрнула платье. «Пусть отдохнёт как следует. Служба у него тяжёлая, — продолжила Мария думать о муже. — Сколько по гарнизонам с ним мотаемся, по казённым квартирам?! Да и часто ли я вижу его дома-то?... Всё сама уже привыкла делать». Женщина приблизила лицо к зеркальной поверхности, растянула пальцами морщинки у краешков губ. Для тридцати пяти лет она выглядела очень даже хорошо. Мария выпрямила стройную спину, повернулась на каблуках в одну сторону, в другую. И вдруг заметила через окно свою старшенькую, стоящую посреди залитого солнцем дворика. Женщина быстро подошла к окну, распахнула створки. Девочка, услышав звук, повернула голову. Мать выглянула на улицу:

— Что встала столбом?! Неси клюкву-то. Потом Ляльку поищешь.

Девочка испуганно кивнула и, прижимая кулёк к груди, побежала за дом.

«День-то какой! Надо бы белье вывесить,— подумала Мария и опять вздохнула.— А Ванька, небось, сейчас...» И сразу припомнились слова, сказанные ей недавно цыганкой: «Шапку свою пять лет видеть не будешь». «Шапка» — по-ихнему значит глава семьи, муж. К чему бы это? Сердце женщины защемило от непонятной тоски, душу заполнил чёрный страх. Как будто прячась от него, Мария закрыла лицо руками и тут же отбросила их. «Да что за ерунда в голову лезет?! Дела надо делать». И она порывисто направилась к выходу, подхватив по пути целый таз наполосканного белья.

...Солнце слепило глаза, когда расправленную бельину приходилось забрасывать на верёвку и развешивать. Мария наклонилась над тазом, чтобы взять следующую вещь, но тут её ноги сзади обхватили ручки младшей дочери.

— Мам, ты меня искала? Вот я!

Мария выпрямилась, оглянулась: снизу вверх на неё смотрело улыбающееся детское личико с такими же голубыми, как сегодняшнее небо, глазами.

— Тебя Рина нашла?

Девчушка кивнула головой.

— А где ты была?

— Там,— ребёнок махнул рукой в сторону,— с Катькой играла.

— Сейчас повешу бельё, и пойдём домой. Попою тебя какавкой.

Ребёнок бросился к тазу, схватил тоненькими ручонками первую попавшуюся бельину и потянул вверх, стараясь подать матери.

— Не трогай!— воскликнула женщина и засмеялась.— Ты сейчас мне всё в песке изваляешь. Мощница.

Посмеиваясь, Мария отобрала у младшенькой мокрую вещь, стала расправлять на верёвке. Внезапно её остановил встревоженный голос соседки:— Маруся, гляди! Что это?

Мария оглянулась на голос. Соседка стояла поодаль и смотрела в небо, прикрыв глаза от солнца ладонью. Мария тоже посмотрела вверх.

Высоко-высоко в чистом небе ровными рядами, похожие на чёрные крестики, летели самолёты. Их было много, очень много.

— Учения, наверное,— спокойно произнесла Мария и машинально начала считать:— Один, два, три...

К ней присоединилась соседка:

— Двадцать два, двадцать три... Ой, как много!..

— Тридцать три... Сорок пять... Семьдесят два...

И вдруг первый ряд самолётов резко пошёл вниз. От оглушительного воя заложило уши. Земля содрогнулась. Бомбы падали прямо в цель: склады боеприпасов, гаражи, казармы, конюшни... Небо

мгновенно заволокло дымом, клубами поднятой взрывами пыли.

Мария рванулась к дочери, схватила на руки, прижала к себе, заметалась по дворику:

— Рина! Где Рина?!— и бросилась в ту сторону, куда ещё совсем недавно отослала девочку.

Бокovima зрением заметила, как подлетела в воздух, развалившись на доски, будка часового, а сам молодой солдат куда-то отползал на четвереньках.

...Когда на территории военного городка разорвалась первая бомба, Рина уже заходила на крыльцо с другой стороны длинного дома, где жила подруга мамы — тётя Галя. Руки девочки от испуга разжались, кулёк с клюквой выпал, ягоды раскатились по ступенькам, по пыльной дорожке. Ребёнок инстинктивно заскочил в дом, в укрытие. Навстречу ему по длинному коридору из распахнутых слева и справа дверей бежали солдаты, офицеры. Казалось, или это действительно было так, вся постройка ходила ходуном. Девочку затолкали, закрутили взрослые человеческие тела, она в растерянности металась между ними, перепуганная и оглошная от грохота, доносившегося с улицы, от грохота дверей и топота ног. В голове ребёнка мелькнула спасительная мысль: «Назад! К маме». Рина стала пробираться к выходу.

...Сквозь кромешный ад взрывов, вой сирен, крики людей, грохот обрушающихся построек, столбы поднятой пыли и щепня, клубы едкого дыма девочка бежала домой. А навстречу ей уже летел пронзительный крик матери:

— Рина!

Подбежала, обняла, крепко прижала к себе дочь одной рукой. На другой держала Лялечку, та ручонками уцепилась за шею матери. Мария почти прокричала в ухо старшенькой:

— Скорей, скорей. В бомбоубежище.

И повлекла её за собой к развороченным воротам военного городка.

...В бомбоубежище было душно и жарко. Со сводчатого потолка свисали на шнурах тусклые лампочки. В их жидком жёлтом свете лица людей проступали из сумрака помещения серыми пятнами. Народу набилось много. Плакал ребёнок, тоскливо и нудно причитала какая-то женщина, остальные переговаривались вполголоса. То там, то здесь слышалось одно и то же пугающее слово: «Война».

Гул взрывов доносился в бомбоубежище глухо, но лампочки под потолком иногда начинали испуганно мигать в такт ударам.

Ляля зашевелилась, прижатая к груди матери, расцепила влажные ручонки вокруг её шеи. Тихонько захныкала, попросила пить. Мария махнула рукой женщине с холщовой сумкой через плечо, та стала пробираться к ним между лежащими

и сидящими людьми. В руках женщина держала железную кружку и алюминиевый бидон. Добравшись, протянула кружку, налила туда немного воды. Мария напоила младшенькую, потом дала попить Рине. Та сделала пару глотков, вытерла рот тыльной стороной ладошки и вернула кружку женщине. Вода была тёплой и припахивала железкой.

Звук бомбёжки постепенно стихал. Затем наступила тишина.

Люди в бомбоубежище задвигались: начали подниматься, собирать какие-то свои вещи, приводить одежду в порядок. Громко заплакал ребёнок.

Тяжёлые двери бомбоубежища открылись, на пороге появился офицер:

— Граждане, между авианалётами возможен перерыв в полчаса. Выходите и как можно быстрее идите в конец улицы. Там вас ждут машины.

Мария, крепко взяв Рину за руку и прижав к себе Лялю, стала пробираться к выходу.

На улице было уже совсем темно. Больше половины ночного неба заливало зарево пожара. Минск похлал.

Бомбоубежище находилось метрах в ста от ворот военного городка. Мария с детьми побежала к намеченной цели. Из темноты наперерез им бросился офицер:

— Куда?! Бегите по улице, там, в конце, стоит грузовик. Людей увозят за город, километров на сорок. — Мы тут рядом. Из военного городка. Мне бы документы взять да для детей что-нибудь из одежды.

— Какая одежда?! — заорал офицер. — Между авианалётами всего полчаса! Бегите к машине!

— Мне документы взять! — не слушая его и избегая расставленных рук военного, закричала женщина и нырнула в развороченный провал ворот военного городка.

...Даже в темноте то, что увидела Мария, ошеломило её. Всё лежало в руинах. Только дом, в котором они жили, стоял нетронутый. Женщина с детьми поспешно добралась до своей комнаты. Первый раз за всё время Мария спустила с рук младшенькую. Сдёрнула с вешалки два детских пальтишка, подала девочкам:

— Надевайте, быстро!.. — а сама заметалась по комнате.

Сорвала со стены портрет мужа, разбила стекло, вынула фотографию. Бросилась к комоду, вытаскала из ящика нужные документы, рассовала их по карманам своего пальто, надела его. Хотела было уже выходить из комнаты, но метнулась к шкафу, достала железную флягу, перелила туда из кастрюльки какао. Туго завинтила крышку, сунула флягу в карман. Секунду помедлила и тут же, подхватив младшую дочь на руки, а старшую подтолкнув к выходу, поспешила прочь.

...На выходе из военного городка их дождался уже знакомый офицер.

— По улице! По улице! — махал он рукой в нужном направлении.

Мария с детьми побежала по улице. Вскоре она увидела стоящий грузовик, в который солдаты помогали забираться людям. Около машины метался офицер с красной повязкой на рукаве:

— Скорей, скорей! — подгонял он то ли солдат, то ли забирающихся людей.

Сильные руки подхватили Марию с обеих сторон и легко вместе с Лялей посадили в кузов грузовика. Машина тронулась. А Рина осталась стоять на дороге.

Девочка закричала. В этом крике было всё: весь ужас пережитого, беспредельное детское отчаянье и леденящий страх одиночества.

Грузовик тормознул. Появившийся из сумрака солдат подхватил перепуганного ребёнка на руки и забросил в кузов. Рина изо всех сил прижалась к матери. Та гладила её рукой по вздрагивающим плечикам.

Грузовик рванулся с места.

...Военный городок располагался чуть в стороне от центра Минска. И хотя грузовик с людьми мчался по узким улочкам окраины города, где разрушения были незначительны, воздух тяжелел от едкого запаха гари. То сильнее, то слабей тёмное небо озарялось всполохами пожаров.

Вскоре воздух стал чище, прохладнее, а зарево горящего Минска — менее ужасающим. Вдоль дороги потянулись заросли кустов, высокие деревья. Наконец грузовик остановился. Из кабины выскочил всё тот же офицер с повязкой на рукаве, снова стал подгонять вылезавших из кузова людей:

— Скорей, граждане, скорей! Мне ещё в город за новой партией возвращаться. Двигайтесь в восточном направлении. Поняли? В восточном.

Он запрыгнул в кабину, грузовик развернулся и скрылся в сумраке июньской ночи.

Молчаливые люди разошлись по дороге, кто свернул в сторону, кто почему-то пошёл назад. Вскоре Мария с детьми одиноко шла в указанном офицером направлении. За её спиной всё ещё было видно на небе зарево полыхающего Минска.

...Становилось всё темнее. Рине казалось, что они идут по пустынной дороге давно-давно. Глаза девочки начали слипаться, и она сама уже несколько раз сильно спотыкалась сандаликами о землю, едва не падая. При этом мать резко дёрнула руку ребёнка вверх и продолжала тянуть за собой.

Наконец Мария свернула с дороги. В пяти-шести метрах от неё нашла пологую ямку, заросшую травой, расстелила своё пальто, усадила на него детей. Достала флягу с какао, дала девочкам, затем сама допила последнюю пару глотков,

не почувствовав ни вкуса, ни запаха напитка. Поудобнее положив дочек рядом с собой, как смогла, накрыла их полами пальто и тут же провалилась в тяжёлый чёрный сон.

...Рина проснулась от неприятной прохлады. Открыла глаза и увидела, что небо в просветах между вершинами деревьев светлое, чистое и высокое.

Но солнце ещё не поднялось над лесом. Где-то рядом, в придорожных кустах, пела птичка. А вокруг — на траве, на примятых полевых цветах, на полах маминого пальто — блестели капельки росы.

Страшный день закончился. Первый день из 1418 канул в вечность. Над землёй разгорался новый день. Второй день Великой Отечественной войны для моей бабушки, мамы и тёти.